

И.В. Курукин, А.Б. Плотников. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 280 с., ил.

События января–февраля 1730 г., сопровождавшие воцарение Анны Иоанновны и, с легкой руки Феофана Прокоповича, вошедшие в историографию как «затейка верховников», всегда привлекали и, наверное, всегда будут привлекать внимание и профессиональных историков, и любителей прошлого своим драматизмом, своей необычностью и даже уникальностью для общего хода русской истории и, конечно, тем, что эти события – своего рода «развилка истории», та точка, после которой, как кажется, развитие страны могло бы пойти по иному пути. Почему этого не произошло? Да и могла ли в действительности реализоваться подобная альтернатива? Была ли неудача попытки верховников изменить политический строй России результатом случайного стечения обстоятельств, или случайностью была сама их попытка? На все эти вопросы предлагают свои ответы авторы рецензируемой книги, убежденные в том, что «для дальнейшего исследования проблемы представляется необходимым пересмотр сложившихся оценок, попытка еще раз рассмотреть “переворотные” ситуации 1730 г., проследить позиции разных слоев “шляхетства” и выявить уровень политических представлений и настроений действовавших сил» (с. 29–30). В этих словах заключена собственно программа исследования, причем предлагаемые И.В. Курукиным и А.Б. Плотниковым ответы являются не просто новой интерпретацией известных фактов, но имеют солидную документальную основу, представленную как известными, так и впервые вводимыми в научный оборот источниками. Именно полнота источниковой базы (а авторы привлекают практически все известные на сегодняшний день источники) придает рецензируемой книге характер фундаментального научного исследования, которое, конечно же, не ставит точку в изучении проблемы, но, несомненно, является важной вехой ее историографии.

В целесообразности и даже необходимости нового обращения к событиям начала 1730 г. убеждает и обзор историографии и ис-

точников проблемы, которым, в соответствии с российской академической традицией, авторы предваряют свое исследование. Наиболее значимые для данной темы работы – монография Д.А. Корсакова и серия статей Г.А. Протасова – хорошо известны каждому, кто когда-либо всерьез интересовался этими событиями, но в принципе было бы естественно, если бы столь значимая для русской истории тема была обеспечена по меньшей мере десятком капитальных исследований. На проверку же имеет место своего рода историографическая неразбериха и разногласия, не имеющая серьезного источниковедческого основания. Иначе как печальным парадоксом нельзя не признать тот факт, что, как отмечают Курукин и Плотников, рассуждения многих современных авторов о событиях 1730 г., в том числе некоторых профессиональных историков, не сопровождаются «новыми источниковедческими наблюдениями» и не учитывают «уже имеющиеся выводы и наблюдения» (с. 22).

Привлекая, как уже сказано, все известные на сегодняшний день источники, Курукин и Плотников тщательно реконструируют события января–февраля 1730 г., анализируют проекты Верховного тайного совета и шляхетства, пытаясь определить их идейные истоки, а также роль отдельных лиц. Особое внимание они уделяют персональному составу подписавших коллективные проекты лиц, их социальному положению, родственным и служебным связям. При этом авторы совершенно справедливо не абсолютизируют подобные связи, соглашаясь с мнением Б. Михан-Уотерс, что они «использовались, когда это было выгодно, и забывались, когда это становилось политически целесообразно» (с. 76). Достаточно скептически, как можно судить по весьма осторожным высказываниям авторов, относятся они и к оценке замысла верховников как проекта радикального изменения политического строя России. «Реальный, а не вымышленный план верховников, – считают они, – предлагал именно “петровскую” монархию без самого Петра, но со столь же самодержавным Верхов-

ным тайным советом, минимумом шляхетских «вольностей» и неопределенными обещаниями «облечения» всем остальным» (с. 86).

Это ключевое для авторов положение стоит рассмотреть подробнее. Очевидно, что в данном случае Курукин и Плотников используют слово «самодержавный» (т.е. *единоличный*) не в буквальном смысле, но скорее как эвфемизм, имея в виду намерение верховников сосредоточить в своих руках всю полноту власти. Но возможен ли в принципе коллективный самодержец? И, если замысел верховников действительно не был направлен на разрушение политической конструкции, созданной Петром Великим, то может быть, стоит подумать о том, не предполагал ли он развитие петровской политической модели в плане распространения принципа коллегиальности на высшую ступень управления?

Однако вряд ли имело бы смысл обращать внимание на некоторую некорректность в использовании в данном случае слова «самодержавие», если бы у этого вопроса не было другой стороны. В современной историографии не раз ставился вопрос о важности изучения эволюции содержания понятия «самодержавие» на протяжении нескольких веков русской истории. Используемые же в книге источники содержат бесценные данные о том, какой смысл вкладывали в это понятие участники событий 1730 г. При этом, анализируя эти источники, необходимо отделить русскоязычные документы от источников иностранного происхождения. Приводимые в книге Курукина и Плотникова цитаты из донесений иностранных дипломатов и мемуаров иностранцев, в которых фигурирует слово «самодержавие» даются естественно в русском переводе, но каждый конкретный случай следует разбирать отдельно, причем априорно можно предположить, что русские и иностранцы по-разному понимали сущность российского политического устройства. Это помогло бы и в решении некоторых проблем, исследуемых авторами. Так, могли бы появиться дополнительные аргументы для объяснения факта сохранения за Анной Иоанновной титула «самодержица» в манифесте от 4 февраля 1730 г. (с. 40).

В целом же наблюдения авторов подтверждают высказывавшиеся ранее предположения о том, что провал «затейки верховников» был обусловлен не только, а, может быть, и не столько идейными разногласиями между ними и дворянством, сколько низким уровнем политической культуры и тех, и других, отсутствием опыта взаимодействия политической элиты с теми, кто именовал себя «обществом». К тому же, как подчеркивают Курукин и Плотников, само шляхетство, участвовавшее в

событиях 1730 г., «в плане восприятия новой реальности выглядело крайне неоднородным»: «Налицо был явный разрыв уровней политической культуры, исключавший возможность прочного объединения политически активной части дворянства, готовой в принципе поддерживать начинания Верховного тайного совета» (с. 115). Авторы книги приходят к важному выводу о том, что после смерти Петра Великого «бюрократический аппарат самодержавия... начинал постепенно приобретать черты самоуправляющегося механизма... которому абсолютный монарх... в перспективе становился уже не нужен» и, значит, «российская абсолютная монархия, благодаря своеобразию механизма осуществления неограниченной власти, обладала определенными внутренними резервами для политического самореформирования» (с. 114). Если принять этот вывод, то неминуемо возникает новый вопрос: сохранились ли эти резервы после 1730 г. и, если да, то почему они так и не реализовались? Впрочем, понятно, что этот вопрос выходит за рамки задач, которые поставили перед собой Курукин и Плотников.

Исследование событий января–февраля 1730 г. занимает около половины рецензируемого издания и снабжено двумя обширными приложениями. Первое из них – это публикация источников, включающая официальные документы, все дошедшие до нас проекты политического устройства, свидетельства очевидцев. Невозможно переоценить значение этой публикации, выполненной в лучших традициях отечественной археографии. Теперь всякий исследователь, обращающийся к этой теме, получает фактически полный корпус известных на сегодняшний день источников. Второе приложение – около десятка составленных авторами таблиц и диаграмм, в которых представлены данные о социальном, служебном и имущественном положении, а также возрастном составе участников «проекта 364-х», собравшего наибольшее число подписей представителей шляхетства. За этими лаконичными и выразительными материалами – кропотливая работа авторов по анализу и математической обработке большого объема сведений, извлеченных из значительного числа архивных документов.

Как уже говорилось, исследование Курукина и Плотникова, естественно, не закрывает тему, а напротив, открывает для будущих исследователей новые возможности. Данная работа является ярким свидетельством не только бесконечности процесса научного познания, позволяющего на каждом новом этапе уточнять уже существующий в историографии образ прошлого, постоянно приближая его

к тому, «как было на самом деле», но и ограниченности возможностей исторической реконструкции. Ибо сколь бы подробной, сколь бы детальной ни была воссоздаваемая исследователем картина, многие детали все равно остаются «за кадром». Неясной и плохо объяснимой остается, как правило, и не отраженная в источниках мотивация поступков тех или иных исторических деятелей. Соответственно, получив ответы на вопросы «как» и «что», мы

по-прежнему лишь отчасти можем ответить на вопрос «почему». Рамки источника обозначают границу, которую не может переступить историк-исследователь, но именно соблюдение этого правила обеспечивает научность создаваемого им нового знания.

**А.Б. Каменский, доктор исторических наук
(НИУ – Высшая школа экономики)**

Е.П. Кудрявцева. Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М.: Наука, 2010. 348 с.

Первая половина XIX в. – непростой период в русско-турецких отношениях, с одной стороны, и сложное время в жизни Османской империи – с другой. О многотрудной и нелегкой жизни в эти годы сотрудников российского посольства в Константинополе повествует новая книга д.и.н., ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН Е.П. Кудрявцевой. Реконструируя повседневную жизнь русских в Константинополе, автор рассказывает не только о дипломатах, но и о духовенстве, студентах, медиках, драгоманах (переводчиках). Судьбы многих из них могли бы стать основой для приключенческих повестей и шпионских романов.

Поддержание дипломатических связей с беспокойным южным соседом издавна было важнейшей задачей российской дипломатии. Еще при Петре I посольство в Константинополе приобрело статус постоянного представительства в Османской империи: по Белградскому трактату 1700 г. России предоставлялось право иметь в Константинополе посланника. Им в 1702 г. стал П.А. Толстой. Перед посольством ставилась задача обеспечивать наиболее благоприятное развитие двусторонних отношений, подготавливать заключение планируемых политических и экономических соглашений, отвечавших внешнеполитическим интересам российского правительства. Эти интересы вызвали раздражение у ряда европейских держав, прилагавших немалые усилия для нейтрализации российской дипломатической активности в этом регионе. К тому было немало причин, главная из которых заключалась в том, что Турция лежала на пути торговых путей на Восток. Кроме того, огромные размеры Османской империи – от Балкан через территории Ближнего и Среднего Востока, Малую Азию с захватом Северной Африки до Причерноморья – сами по себе были серьезным аргу-

ментом в борьбе за политическое и экономическое влияние в этом уголке мира. Главными игроками в политический «османский покер» были Англия и Франция. Для них усиление российского влияния в Константинополе было совершенно неприемлемым, а значит, требовалось укрепить свои позиции вокруг османского трона и выставить политику России в регионе в самом неприглядном свете. Прекрасно понимая эту ситуацию, российское правительство в первой половине XIX в. предпринимало серьезные шаги для упрочения своего влияния на османский престол, который столкнулся в это время с большими проблемами, затragивавшими само существование империи.

В монографии дается яркая картина прокатившейся с начала XIX в. по владениям Османской империи мощной волны национально-освободительных выступлений: события в Сербии и Греции, Болгарии и Албании, в Египте потребовали от османских правителей серьезных военных усилий для сохранения своего владычества над этими территориями. Но военного потенциала Константинополя для удержания своего полного господства в провинциях уже не хватало. Ряду подвластных территорий удалось добиться частичной самостоятельности. Как справедливо замечает автор, образовавшиеся славянские полусамостоятельные государства опирались в своей борьбе на поддержку державы-покровительницы – России. Православный мир тянулся к России и верил, что она не оставит их один на один с османской угрозой. Эти ожидания вполне соответствовали интересам Российской империи, стремившейся упрочить свое положение в столь важном для нее регионе. В XVIII и XIX вв. не прекращались русско-турецкие войны, слишком сложен был клубок противоречий между странами, чтобы распутывать его только руками дипломатов. За вы-